

Сергей Николаевич Белкин –
главный редактор альманаха и портала
«Развитие и экономика»

Нерусский русский и русский нерусский

Невозможно сказать что-либо по национальному вопросу в России, чего не было уже высказано десятки раз. Написание подобных статей-мнений может быть оправдано тремя обстоятельствами. Первое – попыткой инвентаризации и структурирования имеющихся высказываний. Второе – позиционированием автора, обозначением его места среди многообразия взглядов. Третье – формулированием позиции в надежде на эмоциональный отклик читателей, на формирование сторонников озвученных идей.

Увы, но о терминах, как только речь заходит о «национальных проблемах», приходится договариваться каждый раз заново: обойтись без использования слова «нация» и его производных невозможно, а единого общепризнанного толкования – что такое «нация» – нет. По поводу определения понятия «нация» наш «общенациональный» дискурс переживает период полной анархии: определений множество, но нет ни авторитетной личности, ни «высшей инстанции», которая приказала

бы какое-то из определений считать единственно верным. Даже в науке все не так просто: с точки зрения современной политологии и международного права, нация – это национальное государство, это политический термин. Есть и другие подходы, ориентированные на этнические компоненты. Понятие «этнос» сохраняется и активно используется в этнологии и многих других разделах научного знания. Существует и такое понятие, как «этнонация». В то же время некоторыми это понятие отвергается как неприемлемое. В «Википедии» можно встретить фразу, поражающую своим невежеством: «Академическая наука отрицает такое понятие, как “этнонация”, и признает нацией только политическое объединение граждан на основании общего гражданства». Что тут сказать... Ну, нет такого субъекта – «академическая наука», а в представлении писавшего «академическая наука» – нечто вроде Верховного суда, выносящего единственный и окончательный приговор. Ссылка на «науку вообще» – типичный прием пропаганды, как и ставшее интер-

нет-мемом словосочетание «британские ученые».

На самом деле разногласия мнений, звучащая в рамках научных дискуссий, — плодотворна, в рамках же публицистических пикировок — безрезультатна. Как в этих условиях ориентироваться практической политике, которая вовсе не является политологией и даже не обязана на нее опираться «по умолчанию»? Существование подходов к наполнению понятия «нация» разным содержанием — как политической общности граждан определенного государства или как этнической общности, объединенной языком, самосознанием и пр., — необходимо для продолжения научной дискуссии, привлекательно для кормления на ниве публицистики, в телевизионных ток-шоу и для имитации жизни политическими партиями. А вот политическая власть, желающая добиться каких-либо результатов в этом вопросе, должна будет выбрать что-то определенное, иначе объект политического управления просто перестает существовать. В связи с этим переход от научной дискуссии или просто болтовни на эту тему к принятию политических решений чрезвычайно затруднен.

Мои последующие рассуждения подчинены стремлению

Попытка сделать религию объединительным фактором была реализована в Российской империи, но этого фактора оказалось недостаточно для сохранения страны, основ ее жизнеустройства, противостояния идеологическим натискам в условиях кризиса. Конец империи ужасен настолько, что трудно найти исторический аналог как по форме, так и по содержанию произошедшего.

найти какие-то опорные — или отправные — точки для пока еще не возникшей в России политической власти, которая всерьез пожелала бы решать национальные и межнациональные проблемы. Поэтому мне придется, в конце концов, нащупать какие-то критерии для поиска определения нации. Однако в первой части статьи я буду оставаться в благодатном пространстве неопределенности, допустимой в публицистике. То есть применительно к российским реалиям, говоря о межнациональных проблемах страны, я могу иметь в виду, скажем, взаимоотношения татар с башкирами или евреев с кумыками, которые кто-то посчитает более точным называть межэтническими.

То, что называют «национальными проблемами», возникает не из-за существования этнического разнообразия. Дело в поведении взаимосвязанных, живущих в симбиозе племен, наций и народностей. Поведение не только зависит, а часто определяется объективно существующей пара-

дигмой жизнеустройства, важнейшими частями которой являются экономическая модель, идеология, действия органов власти. Мы переживаем несколько видов межнациональных проблем. Последствия распада СССР по административно-территориальным границам, разрезавшие целостные тела народов на части, породили два типа проблем. Наша совесть нечиста перед теми, которые стали людьми второго сорта в новообразованных независимых государствах. Плюс к этому нашей проблемой стали мигранты из этих самых стран. Другой вид — межнациональные проблемы внутри России, нарастающие противоречия «коренных» с «коренными», между русскими и нерусскими народами страны. Наконец, влиятельным фактором остается и «вечное» русско-еврейское сцепление двух мессианских энергий.

В Конституции записано, что Россия — многонациональное государство. По данным переписей в стране проживают около 200 народов. Большая

Матрица «коммунистической морали» и образ «светлого будущего» тоже оказались непрочными объединительными факторами.

часть в ходе переписи как-либо себя этнически идентифицирует, относит к какой-либо национальности, руководствуясь некими собственными критериями. Следует отметить четырехкратный рост (с 2002 по 2010 год) количества лиц, не указавших национальность. Сегодня эта группа находится на втором после русских месте по численности — 3,94 процента. Третьими идут татары — 3,72 процента, а все остальные народы еще малочисленнее — не более 1,35 процента каждый.

Возникает важная, как мне кажется, коллизия между этнической самоидентификацией, научными критериями, применяемыми этнографами (причем и они существуют в разных вариациях) и юридическими признаками. Юридические нормы и критерии определения национальности в России отсутствуют, хотя в Конституции — документе юридическом — это понятие присутствует. Нужно ли приводить это разнообразие под-

ходов к единому критерию или «и так обойдется»? Либерально-демократически настроенные граждане завопят с максимальной громкостью, что «в Америке такого нет» — стало быть, и нам не нужно. Напомнят, что отказ от «позорной пятой графы в паспорте» — великая победа, нельзя лишать «многострадавший народ» этой победы. Да и вообще «цивилизованным народам для национальной самоидентификации достаточно гражданства». Граждане, настроенные православно-патриотически, сведут вопрос о национальной идентификации к религиозной и напомнят всем со ссылкой на авторитеты, что «быть русским — значит быть православным». Просоветски настроенные атеисты скажут: как было записано в паспорте гражданина СССР, так и должно быть теперь — хочешь по папе, хочешь по маме, а третьего не дано. Ученые-этнографы менторским тоном заявят: что вы в открытую дверь ломитесь, нау-

ка давно решила этот вопрос — существует не менее стольких-то методов этнической идентификации.

На что же ориентироваться политикам-практикам, тем, которые должны строить государство, разрабатывать и реализовывать стратегию его развития на благо и от имени всех народов? Вопрос об этнической, национальной идентификации в политическом поле имеет исключительное значение, потому что нельзя управлять процессом, если нет никаких измеряемых параметров, если участники процесса не структурированы, лишены субъектности, не могут обеспечить обратной связи в контуре политического управления. В любом случае как только мы переходим в область практической политики, как только мы хотим как-либо влиять на межнациональное взаимодействие народов России, а не просто наблюдать, мы должны иметь ясные критерии идентификации акторов межнациональных взаимодействий, знать их устремления, понимать и формулировать общие цели многонационального развития, уметь управлять этими «социальными энергиями». Еще раз подчеркиваю, что такие знания и умения должны не просто быть — в этнографии, в публицистике все это имеется в избытке, — а быть в практической политике, то есть реализовываться в политических программах и через государственные институты. А пока у нас царит неразбериха и в понятийном аппарате, и в институциональном поле.

Что же нас всех объединяет? Есть ли что-то в этом объединении органическое, необходимое, выгодное? Или мы просто попали в поток истории, в колею, из которой хотели бы повыскакивать кто куда, да не получается?

Попытка сделать религию объединительным фактором была реализована в Российской империи, но этого фактора оказалось недостаточно для сохранения страны, основ ее жизнеустройства, противостояния идеологическим натискам в условиях кризиса. Конец империи ужасен настолько, что трудно найти исторический аналог как по форме, так и по содержанию произошедшего. Религиозное единство оказалось непрочной — с точки зрения сохранения государства — материей.

Новая власть и ее руководящая доктрина не просто сместили акцент с религиозного объединительного фактора на светский, идеологический. Они поставили себе целью полностью извести религию. Конец СССР был менее кровавым, чем гибель империи, но не менее трагичен. Матрица «коммунистической морали» и образ «светлого будущего» тоже оказались непрочными объединительными факторами.

Те представители высших органов нынешней власти, которые обязаны обеспечивать целостность государства, время от времени мечутся в поисках того, что могло бы объединить народ в единое целое, что могло бы перевести межнациональные трения в режим приемлемого диалога. Пытались обрести национальное единство в ненависти к советской власти, к тоталитаризму, сталинизму, пройдя путь от проклятий в адрес «партократов» до наивысшего рейтинга Иосифа Сталина за всю историю: то есть получили прямо противоположный результат, несмотря на прямо-таки подвижнический, но оказавшийся сизифовым труд СМИ-пропаганды. Бросались пропагандисты и под благодатную сень православных храмов, взыскуя, однако, не столько спасения души, сколько

ко опять же неугасимой памяти о зверствах большевиков, докатившись до формулы «Сталин хуже Гитлера». Результат: ни Богу — богова, ни кесарю — кесарева.

Если нравственный выбор, поверочный эталон добра и зла у живущих вместе народов сформулирован только в виде религиозных заповедей и норм и если при этом народы не выявляют, не формулируют и не придерживаются зоны светских нравственных заповедей, их отношения приобретают бескомпромиссный характер — вплоть до борьбы на уничтожение друг друга. То же самое относится и к нерелигиозным слоям населения, атеистам и неверующим, так или иначе выработавшим свой моральный кодекс: если они не смогут найти нравственный консенсус со всеми рядом живущими религиозными людьми, они будут являться друг для друга проблемой, взаимное отчуждение — вплоть до открытой борьбы — станет нарастать.

В переживаемый ныне период многонациональный народ российский не имеет вообще никаких видимых общих скреп — ни религиозных, ни этнических, ни идеологических. Вместо этого есть экономические интересы экономических агентов, структурирующихся по доступным им параметрам взаимодействия.

Существующая сейчас в России социально-экономическая модель не позволит решить межнациональные (и национальные) проблемы ни одного из народов, если только среди нас нет народа-мародера. Рыночная стихия не может указывать какие-либо общие цели, обозначать приоритеты — на то она и стихия. Образ будущего, который нам молчаливо предложен просто «по факту самостоятельного домысливания», состоит в экономической победе наи-

более активных над менее активными. Быть успешным означает быть богатым. Быть современным означает не быть привязанным ни к каким традиционным ценностям, включая даже язык и культуру. Идеал — быть «глобализованным», космополитом, выбирающим место жительства там, где хорошо и комфортно. Не просто символом, а формулой бытия стал анекдот про червячка, который выполз из-под земли, увидел зеленую травку, солнце и спросил своих родителей: «Почему же мы живем в темноте и грязи?» На это родители ему отвечают: «Потому что там наша родина, сынок».

Если в качестве основного источника развития общества признана и призвана экономическая конкурентная борьба индивидуумов, то складывание индивидуумов в соперничающие сообщества неизбежно. Есть люди более предприимчивые, активные, более других нацеленные на материальную выгоду. Они чувствуют себя вполне комфортно в условиях конкуренции за материальные ценности, потому что выигрывают у тех, которые к ним равнодушны или относят эти ценности на второй план, предпочитая «нечто духовное», или считают, что надо жить в братских отношениях и все делить по-братски. Если при этом «правила игры» — законы, образы «справедливого общества» — поручить писать «экономически активной части населения», получим не просто проповедь либерализма и свободы конкуренции, а жесткий, безжалостный мир в качестве парадигмы бытия. Никакой «семьи братских народов» — каждый за себя. И тогда естественным образом начинают формироваться сообщества, повышающие конкурентоспособность своих лидеров. Возникают не только банды, объ-

единенные общей криминальной целью, но и разного рода национальные объединения, «землячества» и т.п. Наряду с задачами сохранения языка, традиций, религии они ставят и цели конкурентной борьбы, выживания. Это позволяет скреплять отдельные сообщества дополнительными — «более высокими» — скрепами, нежели простое желание объединиться с целью вооруженного ограбления. Мир для членов таких сообществ начинает восприниматься как «мы» и «они». «Они» — это все остальные, причем по факту всеми остальными являются, как правило, русские. Русские для них есть и среда обитания, и антитеза их бытия, и источник материальных ценностей. О том, кто такие русские, мы порассуждаем далее, а пока воспользуемся вольностями, позволительными в публицистике, и будем употреблять понятие «русские» — как будто и так понятно, кто это.

Русские оказываются — в рамках действующей политико-экономической модели — в заведомом проигрыше. У них нет и быть не может хорошей стратегии в создавшихся условиях. Большинство русских не склонны к посреднической деятельности, их ум не приспособлен для мгновенного и неустанного комбинаторного счета в параметрах «выгодно-невыгодно», русские чувствуют себя дискомфортно, когда им приходится торговаться. Мне начнут возражать, приводя немало примеров и из истории, и из современной жизни, демонстрирующих и деловую хватку русских, и способности наших туристов торговаться на турецких базарах. Все это так: русские — народ многочисленный, и среди русских найдутся те, которые в посреднической экономике чувствуют себя как рыбы в воде. Но вот чтобы русские в собственной

стране сколачивали торгово-экономические сообщества на основе этнической близости — этого не происходит. (И, кажется, слава богу: для русских это могло бы стать не просто деградацией, а самоистреблением в гражданской войне.) Зато это легко, автоматически происходит, скажем, у вьетнамцев, азербайджанцев и многих других народов, оперирующих в этнически чужой для них среде. Торговые наценки концентрируются в этнических анклавах, формируя устойчивую финансовую базу для обособления. Чтобы подобные образования, набирая силу, не разорвали государство, внутри которого они формируются, этому государству необходимо проявлять и силу власти, и силу ума, и силу собственных убеждений. У нас все наоборот. Действующие в России властные структуры оказывают поддержку как раз именно такого рода «бизнесу», который нельзя «кошмарить», а основную массу трудолюбивого спокойного народа оценивают как пассивных, ленивых, консервативных, мешающих прогрессу и продвижению реформ. Народ, который хочет и может создавать самолеты, машины и механизмы, работать врачами и учителями, пахать землю и выращивать скот, этот народ не может реализовать себя и свое предназначение в собственной стране, строящей криминальный посреднический капитализм. Почему же он этого не может, если он такой умный и талантливый? Это очень важная тема. Русские сами должны беспристрастно и смело «заглянуть в себя», чтобы понять: что нам в самих себе мешает стать субъектами собственного развития? Что не дает сформировать идеологию развития России в интересах всех ее жителей?

Идет, однако, процесс оформления идеологии той частью общества, которую мы условно называем либеральной. Идеологии формально не господствующей, но по факту применения либерально-экономической парадигмы — доминирующей. Ее функциональная схема та же, что и у нацизма, расизма, фашизма. Она строится на противопоставлении «мы» и «они». Мы — «дельфины», они — «анчоусы». Мы — «пчелы», они — «мухи». В общем, мы — элита, они — стадо, быдло и т.д. Та часть общества, которую у нас называют элитой, от которой эта идеология исходит, этнически неоднородна. Там есть представители всех народов СССР и даже сверх того. Эти люди стали «элитой» — то есть стали обладателями больших состояний, высокого положения в управленческой иерархии и т.д. — в силу собственной наглой активности, природного комбинаторного мышления, воли, устойчивого стремления к богатству, власти, отсутствия разного рода тормозящих сантиментов типа совести, морали, сострадания и т.д. В рамках действующей — во многом ими созданной и ими узаконенной — парадигмы они практически с неизбежностью должны всех прочих под себя подмять, загнать в стойло. В том числе и силой. Пока — в основном — «мягкой», посредством контроля за СМИ и сферой культуры, но при необходимости — и вполне жесткой. «Единство и целостность» ими понимается вполне определенно: «мы» — устойчиво сверху, «они» — снизу. Для этого подхода восприятие нации как граждан государства становится более востребованным, нежели иные подходы. Первыми фактически лишают этничности, конечно, русских. На вопрос — кто такие русские, последует ответ — да все мы тут русские, россия-

не, а для углубленного исследования этничности у нас есть институт этнографии, есть фольклорные экспедиции... Но достаточно ли этого уровня этнической дифференциации для успешного целостного развития России, сохранения и сбережения национальных ценностей всех проживающих в ней народов? Мне ясно, что недостаточно. А «им» может и этого казаться многовато: все-таки тащится за названием «Россия» след этничности. Может, переименовать ее во что-то типа «Северная Страна», всех назвать «севеространцами» — и дело с концом?

При таком мироощущении элиты вопрос о национальности, этничности и иных проблемах межэтнических взаимодействий и национального развития вытесняется на периферию практической политики. России нужна другая элита, вернее — другая идеология элиты. Идеология элиты — это и есть доминирующая идеология. А с точки зрения фактически реализуемой этой самой элитой политики — идеология господствующая.

России необходима идеология, причем, разумеется, как базис формирования политики, а не в форме произвольной мешанины равноправных идеологий в пространстве СМИ. Страх перед наличием господствующей идеологии должен быть отброшен. У этого страха есть исторические причины. Идеология марксизма-ленинизма просуществовала слишком долго в неизменном догматическом виде, насаждалась в нежизнеспособной квазирелигиозной форме, содержала в себе элементы, которых в идеологии развития быть не должно, в частности, жесткие указания по применению единственной экономической модели и категорический отказ от мета-

В переживаемый ныне период многонациональный народ российский не имеет вообще никаких видимых общих скреп — ни религиозных, ни этнических, ни идеологических. Вместо этого есть экономические интересы экономических агентов, структурирующихся по доступным им параметрам взаимодействия.

физики бытия как имманентного свойства социальной жизни. Эти недостатки и стали факторами разрушения общества и государства. Понятно, почему и как они сформировались. Стало быть, тем проще избежать ошибок при создании новой идеологии, адекватной тем историческим задачам, которые стоят перед страной и народом. Какой должна быть эта идеология и откуда ее взять? Оттуда же, откуда берутся все идеологии на свете: в результате целенаправленных совместных действий ученых, политиков и народа — как источника, носителя и верификатора адекватности идеологии.

В идейной, идеологической платформе новой общности современной России нужна объединительная цель, достижение которой возможно

только общими усилиями. Нужна общая — светская! — нравственная платформа, не противоречащая религиозной морали основных конфессий. Укладывается ли сказанное в банальную — совершенно правильную, но утратившую силу свежего слова — истину: уважайте обычаи и традиции друг друга? Нет, не укладывается, и вообще этот призыв в реальности не обеспечивает необходимого уровня сотрудничества и сопереживания. Нужен общий Большой Смысл и привлекательный для всех образ общества справедливости. Межнациональные проблемы станут фактором взаимообогащения и взаимопомощи, если все народы будут объединены наднациональной целью, принимаемой всеми как высшая цель и высшее благо. Наднациональная цель должна быть

Русские оказываются – в рамках действующей политико-экономической модели – в заведомом проигрыше. У них нет и быть не может хорошей стратегии в создавшихся условиях. Большинство русских не склонны к посреднической деятельности, их ум не приспособлен для мгновенного и неустанного комбинаторного счета в параметрах «выгодно-невыгодно», русские чувствуют себя дискомфортно, когда им приходится торговаться.

и надрелигиозной – но не атеистической (этот опыт уже имеется и должен быть осознан, уроки должны быть извлечены).

Огромная проблема – раскол внутри самих русских. Мы, русские, не можем объединиться ни организационно, ни ментально. Мы боремся друг с другом по линиям раскола, проложенным десятилетия, а то и столетия назад. Мы не то что «два народа в одном», а несколько борющихся народов в рыхлой общности «россиян». Только общее русское дело для белых и красных, для верующих и неверующих может стать основой национального единения.

Нужна радикальная смена модели жизнеустройства.

Радикализм лежит не там, куда нас загоняют глупые или злонамеренные говоруны. Нет дилеммы «социализм–капитализм», нет дилеммы «план–

рынок». Когда-то они были, а теперь – нет. Всё названное – инструменты в распоряжении народа, стремящегося к развитию. Инструментами этими можно и нужно пользоваться «то вместе, то поврозь, а то попеременно».

Радикализм лежит в сфере смены образа общества, к которому стремимся, в котором хотим жить. Не торжество алчности, называемой «экономической эффективностью», не торжество бессердечности, называемой «конкуренцией», не торжество порока, называемого «свободой личности», должны стать отличительными чертами общества будущего. Радикализм лежит и в сфере образа собственного прошлого, которое сегодня явлено пропагандистами в виде долгой цепи позора, неудач, зверств, несправедливостей, завершающим звеном которой являются 70 лет кромеш-

ной тьмы и небывалого ужаса «тоталитаризма». Наше прошлое – и в первую очередь самое ближайшее – должно восприниматься как долгая последовательность побед и достижений, как сияние гордости и славы, как сложный, трагичный и оттого наиболее ценный путь поиска справедливости, праведности, любви, расцвета личности. Творческий рост, духовное, культурное развитие личности, рост и удовлетворение растущих нематериальных потребностей – вот цели и вот мерил справедливого гармоничного жизнеустройства.

Покуда радикальной смены жизнеустройства не произошло, надо жить в реалиях дня сегодняшнего и решать текущие злободневные проблемы межнациональных отношений. Есть проблема «уменьшительного национализма», есть проблема «мигрантов», есть проблема «исторической памяти» и множество других. Стало общим местом суждение, что русский народ – со всем комплексом собственной культуры, истории, менталитета, со своим языком, традициями, сложносоставной этничностью, со своим опытом строительства большого государства и удержания в своей орбите многих народов – один только и может сохранить Россию хотя бы в существующих границах. «Хотя бы» – потому что в меньших границах задача самосохранения русского народа может оказаться объективно невыполнимой. Экспериментальная проверка рискует привести к необратимым последствиям, к распаду на множество мелких слабых государств. Судьба русских в этом случае станет похожа на судьбу русскоязычных, оказавшихся в обретших независимость бывших союзных республиках, – от трагической до убогой. Есть среди русских гражд-

дан жаждущие этой судьбы? Есть, несомненно. Такие же самые русские и СССР развалили, стремясь к вполне меркантильным целям в рамках личной судьбы. Сейчас они не только провозглашают, но и хлопочут по поводу «отделения Кавказа» и всего того, что создает для них проблемы. Трагизм усиливается тем, что развалившие СССР, отбрасывая балласт, никак не пострадали, а напротив, полностью добились своих целей: кто восседает, кто возлежит, но никто из них не разочарован в содеянном. Их пример для нынешних «уменьшительных мясников-расчленителей» разлителен.

Но не слишком ли я категоричен? Разве не может Россия скукожиться до размеров трех Польш или двух Украин и строить свое — путь не «Великое», но самодостаточное «нормальное» моноэтническое — государство? Может, конечно. Только это будет в лучшем случае очень бедное государство с неправдоподобно бедным населением, потому что промышленности у России уже нет и жить не то что как Германия, но даже как Чехия за счет продажи продукции она не сможет. А нефти и газа тоже не будет, потому что все это достанется другим народам, на территории которых все это в недрах и лежит, либо поступит в распоряжение сильных государств. Те русские, которые не смогут никуда убежать с Великой Русской равнины, вернуться к рыбной ловле, корчеванию лесных полян, заготовке не менее 20 кубометров леса для обогрева семьи в течение 9 месяцев, запасанию на зиму нескольких тонн сена для скотины... Подробнее — читайте классиков русской литературы, описавших быт русского крестьянина в прошлые века.

Конфликты в связи с «мигрантами» в Москве, прини-

мающие форму межнациональных, имеют совершенно иную природу. Полчища обездоленных внедряются в города, где можно так или иначе прокормиться. Власть вот уже двадцать лет совершенно безжалостна по отношению к москвичам и жителям других регионов наплыва мигрантов. Ситуацию можно было бы гораздо эффективнее регулировать с помощью строгого визового режима и контроля за трудоустройством, регистрацией, проживанием. Здесь как раз уместно неуместное в большинстве других случаев сравнение с Америкой: попробуйте получить рабочую визу в США — это совсем не

собствовать разжиганию межнациональных проблем. На примере независимых государств из числа бывших республик СССР очень хорошо видно, как абсолютно все негативные, по мнению пришедших к власти политиков, страницы истории связываются с русскими. Советский период их истории однозначно определен как русская оккупация. «Зверства коммунистического режима» — это зверства русских по отношению к коренному населению и т.д. Доходит до уже несусветной дикости, когда голод на Украине не просто на уровне политической агитации, а на государственном уровне объ-

Нужен общий Большой Смысл и привлекательный для всех образ общества справедливости. Межнациональные проблемы станут фактором взаимообогащения и взаимопомощи, если все народы будут объединены наднациональной целью, принимаемой всеми как высшая цель и высшее благо. Наднациональная цель должна быть и надрелигиозной — но не атеистической.

просто. Выдача такой визы обусловлена наличием контракта с американским работодателем, который принимает на себя множество жестких обязательств в связи с приглашением иностранца. Демагоги скажут, что и в США полно нелегальных мигрантов, что эти меры не решают проблему полностью и т.д. Это так, но существенно улучшить ситуацию эти меры могут. Кто же против этого? Против — неорабовладельцы, эксплуатирующие труд мигрантов. Против — «уменьшительные националисты», которым необходима «античурочная» социальная энергия. Против — либерально-демократические мародеры, которым нужно демонизировать русских националистов и стимулировать проявления «русского экстремизма». Против — взяточники-чиновники. Многие против...

Интерпретация отечественной истории тоже может спо-

явлен геноцидом, действиями русских против украинцев. А что в ответ сказала и сделала Россия? Да ничего... Кто что хотел, тот то и сказал, нашлись и у нас «ученые» и «политики», вполне поддерживающие подобные взгляды. А во что превратились стена-ния по поводу «сталинских депортаций народов»? В устойчивую привязку к плохим русским, которые переселили хороших нерусских, которые, как оказывается, не сотрудничали с нацистскими оккупантами в ходе войны, а боролись с тоталитарным режимом.

Неприятие советского периода нашей истории превратилось в русофобию для очень многих людей, придерживающихся самых разных взглядов. Продолжающееся оскорбительное отношение к нашей жизни в СССР приводит к нарастающему межнациональному напряжению.

Александр Дейнека. Оборона Севастополя. 1942 год

Наше прошлое – и в первую очередь самое ближайшее – должно восприниматься как долгая последовательность побед и достижений, как сияние гордости и славы, как сложный, трагичный и оттого наиболее ценный путь поиска справедливости, праведности, любви, расцвета личности. Творческий рост, духовное, культурное развитие личности, рост и удовлетворение растущих нематериальных потребностей – вот цели и вот мерила справедливого гармоничного жизнеустройства.

Что же делать государству с русскими и русским с государством? Прежде всего следует на государственном уровне рассмотреть вопрос о том, кто такие русские, кого считать русским. На уровне научных исследований, на уровне публицистики этот вопрос не просто многократно вдоль и поперек рассмотрен, а, можно сказать, замусолен. Предложено множество критериев, и всяк волен придерживаться своего. Место этой мозаике мнений там, где она и существует, а вот государство должно выбрать какой-то единственный вариант. Только тогда окажется возможным каким-то образом взаимодействовать государству и русским. Сегодня никакое взаимодействие русских с государством невозможно, потому что русские – неопределенное с правовой – а значит, и с политической –

точки зрения понятие. Когда на словах признают государствообразующую роль русского народа, но при этом отказывают русским в формировании той силы сцепления, которая является обязательным условием силы имперского народа, ничего не выйдет. Похожие или точно такие проблемы есть и у других национальностей страны, и они тоже должны быть решены, но проблема русских – наиболее острая и разрушительная в силу особой роли самого многочисленного народа. Покуда не установлена четкая взаимосвязь между самоидентификацией русских и их идентификацией со стороны государства, страна будет разрушаться под воздействием нарастающих проблем.

Подвариантом этой проблемы является и вопрос о русских, оказавшихся гражданами на-

циональных государств, вытеснившихся из бывших союзных республик. Во многих из этих стран вопрос о том, кто такие русские, выглядит решенным: это русскоязычные, и они являются людьми второго сорта. То, что было совершено по отношению к этим десяткам миллионов людей со стороны прежде всего московской власти периода распада СССР, есть подлость, нравственное преступление. Этому должна быть дана оценка, но не в ней только дело. Русскоязычные люди живы и все еще верят в то, что Россия – это государство, которое их защитит, им поможет. Что-то на уровне «клубов русской культуры» Россией поддерживается, и то недостаточно и неуверенно. Но главное – в ином. Россия не играет по отношению к русским во всем мире той роли, какую играет, например, Израиль по отношению к евреям. У евреев нет другой «своей» страны, и у русских нет. Но евреи выработали не только механизмы защиты, формы поддержки и прочее, но и метод идентификации евреев, без которого они просто никак не смогли бы ни существовать, ни поддержи-

вать «своих». Хорош или плох их метод — другой вопрос, но у русских на государственном уровне нет никакого способа идентификации русских, а поэтому невозможна и последовательная работа по взаимодействию с тем, что мы больше поэтически, нежели юридически называем «Русский мир».

Позитивный опыт ищут либо в далеком прошлом — в Российской империи, либо в далеких странах — в США, например. И там и там можно найти позитивные примеры, только воспользоваться ими как моделью жизнеустройства никак невозможно: все другое — время, люди, пространство, жизненный уклад, ценности, традиции. Трудно да и не нужно пытаться решать сложные социальные задачи «с нуля», то есть без учета имеющегося исторического и практического опыта. Логичнее всего обратиться к собственному — советскому — опыту. Потому что он наиболее близкий по времени, потому что он может быть наилучшим образом изучен, потому что наше общество в большинстве своем состоит из людей не просто знакомых с этим опытом, а являющихся его носителями. Ну и потому, конечно, что советский опыт дает пример одного из вариантов решения национальных проблем в многонациональном государстве. Слышу справедливые возгласы: так ведь именно межнациональное напряжение разорвало СССР, вы предлагаете перенять неудачный, губительный опыт! Не предлагаю перенять, а предлагаю изучить. До сих пор нет его непредвзятого исследования. Есть пропагандистские опусы, написанные или черной, или розовой краской.

«Советский народ» — это общая цель, общие принципы жизнеустройства. Однако поиск общей моральной плат-

Памятник жертвам голодомора в Эдмонтоне

Доходит до уже несусветной дикости, когда голод на Украине не просто на уровне политической агитации, а на государственном уровне объявлен геноцидом, действиями русских против украинцев. А что в ответ сказала и сделала Россия? Да ничего...

формы успехом не увенчался: были подавлены или унижены как религиозные, так и национальные традиции, прежде всего у основного — русского — народа. То, как именно межнациональные отношения использовали для разрыва СССР, нуждается в тщательном исследовании. Важно, в частности, внимательно исследовать процесс вскармливания тех, которых потом назовут националистами, выявить факты подталкивания их к активным действиям, увидеть роль московской высшей власти, вознамерившейся с их помощью «сбросить балласт». Надо отделить реальные проблемы развития национальных культур от поли-

тической мастурбации «национальных чувств». Сделать это надо не только для того, чтобы знать — как и почему развалился СССР, но и для того, чтобы не дать развалиться его самый большой на сегодня обрубок — Россию.

Советский опыт решения межнациональных проблем огромен, во многом трагичен, но в фазе устойчивого развития несет в себе немало позитивного. До сих пор большинство бывших советских граждан разных национальностей, вспоминая собственную жизнь, скажут, что у них не было национальной неприязни к другим народам. Кто из современных политиков может ответить на вопрос: поче-

му люди так думают и так оценивают свою жизнь, можно ли причину межнационального согласия выявить и воспользоваться ею сегодня? Увы, все занято пропагандой примеров отсутствия межнационального согласия и охвачены твердым желанием отбросить всякий позитивный опыт, если только он лежит в пространстве СССР. Русские необратимо деградируют и потеряют последнее, если не научатся открыто и искренне любить свою страну и прежде всего ее ближайший советский период. Ключ к будущему России — в Советском Союзе. Но до тех пор пока при упоминании СССР почти каждый автоматически вспоминает про ГУЛАГ, «сталинские репрессии», «подавление инакомыслящих» и прочие психологические якоря промытого сознания, деградация продолжится. Если вы, читатель, на этом месте уже одернули меня возгласом: а разве всего этого не было?! — стало быть, эти якоря все еще работают и удерживают вас от нравственной жизни. Да, все это и многое еще из очень плохого — было. И забывать про это не надо. Но и жить этим — тоже не надо. Любить свою Родину надо целиком, а не «всё — минус 70 лет советской власти», надо непрерывно помнить все ее позитивные черты, все достижения и победы. Дает силы гордость, а не медитация на плохом. Вся долгая история страны должна быть осознана как непрерывная, целостная траектория жизни народа, решающего исторические задачи на пути к своей постоянной высшей земной цели. Надо обрести нечто объединяющее всех, нечто высшее по отношению к национальности и конфессиональной принадлежности. Концепт «граждане страны» — на единение не работает: в нем нет мечты, нет образа будущего, нет метафизики. Ну-

жен новый параметр общности.

Алгоритм — «мы строим свою страну, наделенную определенными признаками и свойствами», — эффективный и, возможно, единственный для такой большой и сложной страны, как Россия. Вместо образа коммунизма нужен новый образ, новая модель социального устройства. Такая модель совместной счастливой и благополучной жизни, в которой царят справедливость, свободный труд, равные возможности для личностного, коллективного, этнического, религиозного, культурного, политического и иного развития. И модель эта должна быть оформлена в виде программы политической партии, в виде художественных образов, в виде постоянного дискурса мыслящей части общества.

Решение межнациональных проблем не есть однократное нахождение правильного ответа в задачнике по алгебре. Не существует «решения», способного раз и навсегда «закрыть проблему». Это бесконечный, требующий постоянной регуляции и корректировки процесс осознанных политических действий. Причем России не у кого этому учиться, кроме как у самой себя. Решение национальных проблем России — творческая задача, потому что изменяется всё: и внешние условия, и содержание национальной жизни, и ее близлежащие цели. Национальные проблемы надо год за годом, поколение за поколением удерживать в поле мирного соперничества, сотрудничества, не допуская непримиримых противоречий, конфликтов. Даже «мононациональное» — по каким-нибудь критериям типа ооновских — государство не избавляется само по себе от внутренних противоречий, которые от национального уров-

ня переходят на родоплеменной или региональный. Зародыш этого в среде русского народа уже явственно виден: таблицы переписи населения вводят следующую норму: «Русские, в том числе казаки и поморы». Не существует способа окончательного снятия межнациональных противоречий, кроме полного исчезновения национальной самоидентификации, чего не предвидится.

Вернемся к ранее обозначенной задаче: наметить подходы к определению нации как понятия практической политики, а не политологии, не этнологии и т.п. Практическая политика — конкретна, она оперирует в определенной стране и в определенное время. Исходный принцип национальной идентификации для целей практической политики должен состоять в следующем: определение нации зависит от того, какую страну мы хотим построить, какое общество сформировать. Наши цели-ценности-идеалы — вот путевые столбы и путеводные звезды.

Если мы хотим построить нечто вроде США, эдакую «русскую Америку» — империю, в которой этничность есть личное дело каждого и при этом толерантность предписывает делать вид, что этнических — тем более расовых — отличий во взаимоотношениях людей как бы не существует, тогда нация — это только гражданство.

Если мы хотим построить нечто вроде огромного Израиля от Балтийского моря до Тихого океана, то есть этническое государство русских (в котором на определенных условиях живут и другие народы), то нация — это этничность, и надо будет установить то или иное правило определения этой этничности: по крови или как-то еще.

Если мы хотим построить «просто Россию» (а я считаю,

что только это и следует делать), то мы не должны ни на кого оглядываться, кроме самих себя, и смело созидать нечто новое, чего никогда ни у кого — в том числе и у нас самих — не было. Мы должны строить мощную процветающую страну, в которой всем живется хорошо, без непременно утраты национальной, этнической идентификации либо непременно возведения ее в ранг особой значимости. Каждый из нас с точки зрения практической политики обладает всеми признаками одновременно: и гражданством, и этничностью по языку, по культуре, по крови. Россия гораздо сложнее всех прочих стран, и каждый из нас — сложносоставной элемент. Всё множество наших признаков идентичности нам необходимо, мы оперируем ими всеми одновременно и осознанно. Этому сложному содержанию должна соответствовать и сложная форма государственного жизнеустройства, которую предстоит создавать и создавать. Определив общие для всех цели, ценности и механизм этического выбора, мы сможем определить и форму государственного жизнеустройства.

Государство и любовь — вот в чем вопрос! Нет, я не о любви к государству. И даже не о любви к своей стране. Я о другом: хочу ли я ощущать любовь государства к самому себе, причем во всей моей многосоставной сложности? К себе, у которого нет другой Родины, у которого нет другой защиты, другой судьбы, другого прошлого и другого будущего? Да, я хочу ощущать себя частью самой могучей и доброй силы в мире не только на основе моих представлений и фантазий, а потому что ежедневно чувствую руку могучего доброго богатыря — а им может и должно быть только мое

Алгоритм — «мы строим свою страну, наделенную определенными признаками и свойствами», — эффективный и, возможно, единственный для такой большой и сложной страны, как Россия. Вместо образа коммунизма нужен новый образ, новая модель социального устройства. Такая модель совместной счастливой и благополучной жизни, в которой царят справедливость, свободный труд, равные возможности для личностного, коллективного, этнического, религиозного, культурного, политического и иного развития.

государство — на своем плече. Как давно об этом думал Тютчев:

*«Единство, — возвестил оракул
наших дней, —
Быть может спаяно железом
лишь и кровью...»
Но мы попробуем спаять его
любовью, —
А там увидим, что прочней...*

Увы, пока так и не попробовали.

В заключение — о свободе и подлинности. Чем больше у нас идентификационных признаков, чем они определеннее, тем менее мы свободны. Каждый из нас обладает огромным набором признаков: я — мужчина, гражданин России, православный, великоросс, публицист, сторонник партии «АБВГД», противник партии «ЕЖЗИК», не либерал, консерватор — и т.д. Каждый такой признак сооружает вокруг моей сущности очередную оболочку, все четче и четче оформляя — и ограничивая

— мою социальную личность.

При этом мое «подлинное я», моя сущность, рожденная чистой, незамутненной, исполненной любви и сострадания к миру, видна всё меньше и слышна всё тише. Моя сущность рождена в неслиянном единстве со всем сущим, и это единство в течение жизни шаг за шагом разрушается. Мы утрачиваем ощущение целостности, счастья, глубочайшей осмысленности жизни, данной нам не в логических знаках, а в ощущениях. Мы перестаем быть подлинными, вместо нас начинают действовать социальные маски, личины. Как сочетать эти оболочки, возникающие как неизбежная расплата за социализацию, с сохранением той подлинности, которая только и способна обеспечить устойчивую целостность мира при сохранении и развитии индивидуальности? Какие из этих оболочек нужны или неизбежны, а от каких можно и нужно отказаться?